

Ужас. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://nabokovvladimir.ru/> приятного чтения!

Ужас. Владимир Владимирович Набоков

Со мной бывало следующее: просидев за письменным столом первую часть ночи, когда ночь тяжело идет еще в гору, - и очнувшись от работы как раз в то мгновение, когда ночь дошла до вершины и вот-вот скатится, перевалит в легкий туман рассвета, - я вставал со стула, озябший, опустошенный, зажигал в спальне свет - и вдруг видел себя в зеркале. И было так: за время глубокой работы я отвык от себя, - и, как после разлуки, при встрече с очень знакомым человеком, в течение нескольких пустых, ясных, бесчувственных минут видишь его совсем по-новому, хотя знаешь, что сейчас пройдет холодок этой таинственной анестезии, и облик человека, на которого смотришь, снова оживет, потеплеет, займет свое обычное место и снова станет таким знакомым, что уж никаким усилием воли не вернешь мимолетного чувства чуждости, - вот точно так я глядел на свое отражение в зеркале и не узнавал себя. И чем пристальнее я рассматривал свое лицо, - чужие, немигающие глаза, блеск волосков на скуле, тень вдоль носа, - чем настойчивее я говорил себе: вот это я, имярек, - тем непонятнее мне становилось, почему именно это - я, и тем труднее мне было отождествить с каким-то непонятым "я" лицо, отраженное в зеркале. Когда я рассказывал об этом, мне справедливо замечали, что так можно дойти до чертиков. Действительно, раза два я так долго всматривался поздно ночью в свое отражение, что мне становилось жутко и я поспешно тушил свет. А наутро пока брился, мне уже в голову не приходило удивляться своему отражению.

Бывало со мной и другое: ночью, лежа в постели, я вдруг вспоминал, что смертен. Тогда в моей душе происходило то же, что происходит в огромном театре, когда внезапно потухает свет, и в налетевшей тьме кто-то резко вскрикивает, и затем вскрикивает несколько голосов сразу, - слепая буря, темный панический шум растет, - и вдруг свет вспыхивает снова, и беспечно продолжается представление. Так, бывало, душа моя задохнется на миг, лежу навзничь, широко открыв глаза, и стараюсь изо всех сил побороть страх, осмыслить смерть, понять ее по-житейски, без помощи религий и философий. И потом говоришь себе, что смерть еще далека, что успеешь ее продумать, - а сам знаешь, что все равно никогда не продумаешь, и опять в темноте, на галерке сознания, где мечутся живые, теплые мысли о милых земных мелочах, проносится крик - и внезапно стихает, когда наконец, повернувшись на бок, начинаешь думать о другом.

Полагаю, что все это - и недоумение перед ночным зеркалом, и внезапное паническое предвкушение смерти, - ощущения, знакомые многим, и если я так останавливаюсь на них, то потому только, что в этих ощущениях есть частица того высшего ужаса, который мне однажды довелось испытать. Высший ужас... особенный ужас... я ищу точного определения, но на складе готовых слов нет ничего подходящего. Напрасно примеряю слова, ни одно из них мне не в пору.

Жил я счастливо. Была у меня подруга. Помню, как меня измучила первая наша разлука, - я по делу уезжал за границу, - и как потом она встречала меня на вокзале - стояла на перроне, как раз в клетке желтого света, в пыльном снопе солнца, пробившего стеклянный свод, и медленно поворачивала лицо по мере того, как проползали окна вагонов. С нею мне было всегда легко и покойно. Только однажды... Да, вот тут я опять чувствую, какое неуклюжее орудие - слово. А хочется мне объяснить... Это такой пустяк, это так мимолетно: вот мы с нею одни в ее комнате, я пишу, она штопает на ложке шелковый чулок, низко наклонив голову, и розовеет ухо, наполовину прикрытое светлой прядью, и трогательно блестит мелкий жемчуг вокруг шеи, и нежная щека кажется впалой, оттого что она так старательно пучит губы. И вдруг, ни с того ни с сего, мне делается страшно от ее присутствия. Это куда страшнее того, что я не сразу почувствовал ее на вокзале. Мне страшно, что со мной в комнате другой человек, мне страшно самое понятие: другой человек. Я понимаю, отчего сумасшедшие не узнают своих близких... Но она поднимает голову, быстро, всеми чертами лица, улыбается мне, - и вот от моего странного страха уже нет и следа. Повторяю, это случилось всего только раз, это тогда мне показалось глупостью нервов - я забыл, что в одинокую ночь, перед зеркалом, мне приходилось испытывать нечто очень похожее.

Прожили мы вместе около трех лет. Я знаю, что многие не могли понять нашу связь. Недоумевали, чем могла привлечь и удержать меня эта простенькая женщина, но, Боже мой, как я любил ее неприметную миловидность, веселость, ласковость, птичье

Ужас. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru
трепыхание ее души... Ведь дело в том, что как раз ее тихая простота меня охраняла: все в мире было ей по-житейски ясно, и мне даже иногда казалось, что она совершенно точно знает, что ждет нас после смерти, - и мы о смерти никогда не говорили. В конце третьего года я опять принужден был уехать на довольно долгий срок. Накануне моего отъезда мы почему-то пошли в оперу. Когда, сидя на малиновом диванчике в темноватой, таинственной аванложе, она снимала огромные, серые ботики, вытаскивала из них тонкие, шелковые ноги, я подумал о тех очень легких бабочках, которые вылупляются из громоздких, мохнатых коконов. И было весело, когда мы с ней нагибались над розовой бездной залы и ждали, чтоб поднялся плотный, выцветший занавес в бледных, золотистых изображениях различных оперных сцен. И голым локтем она чуть не скинула вниз с барьера свой маленький перламутровый бинокль.

И вот, когда уже все расселись и оркестр, вобрав воздух, приготовился грянуть, - вдруг в огромном розовом театре потухли сразу все лампочки, - и налетела такая густая тьма, что мне показалось - я ослеп. И в этой тьме все сразу задвигалось, зашумело, и панический трепет перешел в женские восклицания, и оттого что отдельные мужские голоса очень громко требовали спокойствия, - крики становились взволнованнее. Я рассмеялся, начал ей что-то говорить, - и почувствовал, что она вцепилась мне в руку, молча мнет мне манжету. И, когда свет снова наполнил театр, я увидел, что она сидит вся бледная, стиснув зубы. Я помог ей выйти из ложи, - она качала головой, с виноватой улыбкой порицая свой ребяческий испуг, - и потом расплакалась, попросилась домой. И только в карете она успокоилась, и, прижимая комочком платок к сияющим глазам, стала мне объяснять, как ей грустно, что завтра я уезжаю, и как было бы нехорошо этот последний вечер провести на людях, в опере.

А через двенадцать часов я уже сидел в вагоне, глядел в о"но на туманное, зимнее небо, на воспаленный глазок солнца, не отстающий от поезда, на белые поля, которые без конца раскрывались, как исполинский лебяжий веер. В большом нерусском городе, куда я через сутки приехал, и довелось мне высший ужас испытать.

Началось с того, что я дурно спал три ночи сряду, а четвертую не спал вовсе. За последние годы я отвык от одиночества, и теперь эти одинокие ночи были для меня острым, безвыходным страданием. В первую ночь я видел ее во сне: было много солнца, и она сидела на постели в одной кружевной сорочке и до упаду хохотала, не могла остановиться. И вспомнил я этот сон совсем случайно, проходя мимо бельевого магазина, - и когда вспомнил, то почувствовал, как все то, что было во сне весело-ее кружева, закинутое лицо, смех, - теперь, наяву, страшно, - и никак не мог себе объяснить, почему мне так неприятен, так отвратителен этот кружевной, хохочущий сон. Я много работал и много курил, и все у меня было чувство, что мне нужно, как говорится, держать себя в руках. Ночью, раздвываясь, я нарочно посвистывал и напевал, но вдруг, как трусливый ребенок, вздрагивал от легкого шума за спиной, от шума пиджака, соскользнувшего со стула.

На пятый день, рано утром после бессонной ночи, я вышел пройтись. То, что буду рассказывать дальше, мне хотелось бы напечатать курсивом, - даже нет, не курсивом, а каким-то новым, невиданным шрифтом. Оттого, что я ночью не спал, во мне была какая-то необыкновенно восприимчивая пустота. Мне казалось, что голова у меня стеклянная, и легкая ломота в ногах тоже казалась стеклянной. И сразу, как только я вышел на улицу... Да, вот теперь я нашел слова. Я спешу их записать, пока они не потускнели. Когда я вышел на улицу, я внезапно увидел мир таким, каков он есть на самом деле. Ведь мы утешаем себя, что мир не может без нас существовать, что он существует, поскольку мы существуем, поскольку мы можем себе представить его. Смерть, бесконечность, планеты - все это страшно именно потому, что это вне нашего представления, и вот, в тот страшный день, когда, опустошенный бессонницей, я вышел на улицу, в случайном городе, и увидел дома, деревья, автомобили, людей, - душа моя внезапно отказалась воспринимать их как нечто привычное, человеческое. Моя связь с миром порвалась, я был сам по себе, и мир был сам по себе, - и в этом мире смысла не было. Я увидел его таким, каков он есть на самом деле: я глядел на дома, и они утратили для меня свой привычный смысл; все то, о чем мы можем думать, глядя на дом... архитектура... такой-то стиль... внутри комнаты такие-то... некрасивый дом... удобный дом... - все это скользнуло прочь, как сон, и остался только бессмысленный облик, - как получается бессмысленный звук, если долго повторять, вникая в него, одно и то же обыкновеннейшее слово. И с деревьями было то же самое, и то же самое было с людьми. Я понял, как страшно человеческое лицо. Все - анатомия, разность полов,

Ужас. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru
понятие ног, рук, одежды, – полетело к черту, и передо мной было нечто – даже не существо, ибо существо тоже человеческое понятие, – а именно нечто, движущееся мимо. Напрасно я старался пересилить ужас, напрасно вспоминал, как однажды, в детстве, я проснулся и, прижав затылок к низкой подушке, поднял глаза и увидел спростонья, что над решеткой изголовья наклоняется ко мне непонятное лицо, безносое, с черными, гусарскими усиками под самыми глазами, с зубами на лбу – и, вскрикнув, привстал, и – мгновенно черные усики оказались бровями, а все лицо – лицом моей матери, которое я сперва увидел в перевернутом, непривычном виде. И теперь я тоже старался привстать, дабы зримое приняло вновь свое обычное положение, и это не удавалось мне. Напротив, чем пристальнее я вглядывался в людей, тем бессмысленнее становился их облик. Охваченный ужасом, я искал какой-нибудь точки опоры, исходной мысли, чтобы, начав с нее, построить снова простой, естественный, привычный мир, который мы знаем. Я, кажется, сидел на скамейке в каком-то парке. Действий моих в точности не помню. Как человеку, с которым случился на улице сердечный припадок, нет дела до прохожих, до солнца, до красоты старинного собора, – а есть в нем только всепоглощающее желание дышать, – так и у меня было только одно желание: не сойти с ума. Думаю, что никто никогда так не видел мира, как я видел его в те минуты. Страшная нагота, страшная бессмыслица. Рядом какая-то собака обнюхивала снег. Я мучительно старался понять, что такое "собака", – и оттого, что я так пристально на нее смотрел, она доверчиво подползла ко мне, – и стало мне до того тошно, что я встал со скамьи и пошел прочь. И тогда ужас достиг высшей точки. Я уже не боролся. Я уже был не человек, а голое зрение, бесцельный взгляд, движущийся в бессмысленном мире. Вид человеческого лица возбуждал во мне желание кричать.

Каким-то образом я оказался опять у входа моей гостиницы. И тут ко мне подошел кто-то и назвал меня по имени. Он тыкал мне в руку свернутый лоскуток. Бумажку эту я машинально развернул. И сразу весь мой ужас прошел, я мгновенно о нем забыл, все стало опять обыкновенным и незаметным: гостиница, переменные отблески в стеклах вращающихся дверей, знакомое лицо швейцара, подавшего мне телеграмму. Я стоял посередине широкой прихожей. Прошел господин, с трубкой, в клетчатом картузе, толкнул меня и важно извинился. Я чувствовал удивление и большую, невыносимую, но совсем естественную, совсем человеческую боль. В телеграмме сообщалось, что она находится при смерти.

И пока я ехал к ней, и пока сидел у ее кровати, мне и в голову не приходило рассуждать о том, что такое жизнь, что такое смерть, ужасаться жизни и смерти. Женщина, которому я любил больше всего на свете, умирала. Я видел и чувствовал только это.

Она меня не узнала, когда я толкнулся коленом о край постели, на которой она лежала, под огромными одеялами, на огромных подушках, – сама маленькая, с волосами, откинутыми со лба, отчего стал заметен по окату виска тонкий шрам, который она всегда скрывала под низкой волной прически. Она меня не узнала, но я чувствовал по улыбке, раза два легко приподнявшей уголок ее губ, что она в своем тихом бреду, в предсмертном воображении видит меня, так что перед нею стояли двое, – я сам, которого она не видела, и двойник мой, который был невидим мне. И потом я остался один, – мой двойник умер вместе с нею.

Ее смерть спасла меня от безумия. Простое человеческое горе так наполнило мою жизнь, что для других чувств места больше не было. Но время идет, ее образ становится в моей душе все совершеннее и все безжизненнее, – и мелочи прошлого, живые, маленькие воспоминания незаметно для меня потухают, как потухают, один за другим, иногда по два, по три сразу, то здесь, то там, огоньки в окнах засыпающего дома. И я знаю, что обречен, что пережитый однажды ужас, беспомощная боязнь существования когда-нибудь снова охватит меня, и тогда мне спасения не будет.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://nabokovvladimir.ru/> Приятного чтения!
<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.
<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин
<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография
<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

Ужас. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru
сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!